

АЗІАТСКІЙ СБОРНИКЪ

Изъ Извѣстій Россійской Академіи Наукъ

Новая серія

1918

MÉLANGES ASIATIQUES

tirés

du Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie

Nouvelle Série

ПЕТРОГРАДЪ

PETROGRAD

В. П. Васильевъ, какъ синологъ.

А. И. Иванова.

(Рѣчь, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Россійской Академіи Наукъ ^{5 марта}/_{20 февраля} 1918 г.).

Оцѣнку дѣятельности покойнаго синоведа В. П. Васильева, перваго профессора по кафедрѣ китайской словесности въ С.-Петербургскомъ, нынѣ Петроградскомъ Университетѣ, выдающагося русскаго патріота, чествованіе памяти котораго совпало съ столь печальнымъ временемъ, нельзя считать законченной, если судить только по тѣмъ матеріаламъ, которыми мы располагаемъ въ видѣ печатныхъ работъ его. Однѣ изъ этихъ работъ не появились совсѣмъ, а другія увидѣли свѣтъ не въ томъ видѣ, какъ это задумывалъ авторъ.

Какова была судьба многихъ начинаній покойнаго нашего учителя, можно судить по его собственнымъ словамъ. «Объ этомъ, пишетъ онъ въ предисловіи къ Анализу китайскихъ іероглифовъ¹ я началъ хлопотать уже тридцать лѣтъ тому назадъ.... Еще въ 1856 году Академія Наукъ, которой я представлялъ этотъ лексиконъ² въ надеждѣ, что она озаботится заведеніемъ китайскаго шрифта, забрала эту попытку».

Въ другомъ мѣстѣ, а именно, въ Очеркѣ исторіи китайской литературы, въ вступленіи онъ отмѣчаетъ: «намъ не хотѣлось, чтобы эти взгляды³, добытыя путемъ научнаго труда, по невозможные для насъ въ научномъ изложеніи, пропали совсѣмъ безслѣдно»⁴.

Эти сѣтованія Василія Павловича на ненормальныя условія научной работы, въ которыя онъ былъ поставленъ, вполне подтверждаются при ознакомленіи съ тѣмъ, что мы имѣемъ отъ него. Можно ли сказать поэтому,

¹ Анализъ китайскихъ іероглифовъ, часть 2-я. Элементы китайской письменности. Профессора В. Васильева. С.-Петербургъ. 1884 г. стр. II.

² Рѣчь идетъ о китайско-русскомъ словарѣ, первомъ на русскомъ языкѣ, изданномъ имъ въ автографированномъ видѣ въ 1867 г.

³ Т. е. взглядъ на ходъ и развитіе китайской литературы.

⁴ Очеркъ исторіи китайской литературы. С.-Петербургъ. 1886 г. стр. 4.

что Василий Павловичъ далъ все, что онъ могъ бы дать при иныхъ условіяхъ? Однако не слѣдуетъ также упускать изъ виду нѣкоторыхъ обстоятельствъ, обращающихъ на себя вниманіе всякаго спеціалиста, которому приходится имѣть дѣло съ работами покойнаго академика.

Это иржеде всего чрезвычайная разносторонность темъ и затѣмъ рѣзкій скептицизмъ, бросающійся прямо въ глаза и иногда даже борющійся съ здравымъ смысломъ и историческими фактами.

Быть можетъ, нѣкоторая часть задуманнаго не была выполнена въ силу того, что новыя идеи или измѣнившіяся условія увлекли за собою автора.

Какъ истинный русскій патриотъ, любившій всей душою Россію, что проскальзываетъ нерѣдко въ его статьяхъ, Василий Павловичъ не могъ замкнуться въ узкихъ рамкахъ чистой науки, прекрасно понимая, какія знанія необходимы отечеству, а это отвлекало его отъ выполненія намѣченныхъ работъ.

Жизненные же неудачи и постоянное сознаніе неудовлетворенности, связанное отчасти съ выработавшимся подъ влияніемъ близкаго соприкосновенія съ китайской литературой критическаго міровоззрѣнія, дали въ результатѣ тогъ ужасающій иногда скептицизмъ, который проскальзываетъ то тутъ, то тамъ въ работахъ Василія Павловича.

Василій Павловичъ открываетъ эпоху русской синологіи.

Это былъ первый русскій ученый, а вѣрнѣе и первый европейскій, свѣтскій ученый, начавшій свою ученую дѣятельность послѣ долголѣтняго пребыванія въ Китаѣ, откуда онъ привезъ большой научный багажъ.

Изучивъ китайскій языкъ, какъ книжный, такъ и разговорный, онъ зналъ языки маньчжурскій, монгольскій, тибетскій и санскритъ.

Если же припомнить, каковы были пособія для изученія китайскаго языка и не въ то далекое время, а сравнительно недавно, то легко понять, что знанія Василія Павловича давали ему исключительное преимущество. Добавимъ, что и доступно было еще немногое. Онъ былъ первымъ европейскимъ ученымъ, начитаннымъ въ китайской литературѣ и одновременно знавшимъ языки, какъ напримѣръ маньчжурскій, которые являлись вспомогательными при изученіи китайскаго.

Дальнѣйшее пребываніе въ Китаѣ и оторванность отъ европейской науки, сказывавшаяся впоследствии, имѣла и свою отрицательную сторону, что впрочемъ въ иной, однако, формѣ наблюдается и на другомъ примѣрѣ— мы имѣемъ въ виду извѣстнаго сиолога J. Legge, автора классическаго изданія конфуціанскаго канона «The chinese classics».

Иногда, подъ вліяніемъ свѣдѣній китайскихъ источниковъ, Василій Павловичъ высказываетъ мысли и предположенія, носящія несомнѣнный слѣдъ китайскаго происхожденія, несмотря на свое крайне недовѣрчивое въ то же время отношеніе къ комментаріямъ и даже источникамъ вообще.

Нельзя однако не отмѣтить, что В. П. Васильевъ одинъ изъ первыхъ, если не первый европейскій ученый, относится съ серьезной критикой къ китайскимъ источникамъ и текстамъ.

Въ то же время долгое пребываніе въ Китаѣ, въ совершенно исключительной для нашего времени изолированности, дало возможность Василю Павловичу собрать исключительный по богатству матеріалъ, который онъ, вернувшись на родину и столкнувшись съ новыми запросами, такъ и не успѣлъ обработать, почему часть работъ мы видимъ незаконченными.

Не считая себя вправѣ, какъ онъ самъ объ этомъ говоритъ, не замѣчать поразительнаго незнанія Китая русскими, для которыхъ, какъ онъ совершенно правильно понималъ, Срединная имперія будетъ имѣть чрезвычайно важное значеніе, Василій Павловичъ стремился сообщить своимъ соотечественникамъ возможно больше, забрасывая начатыя работы.

Какъ измѣнялся ходъ работъ Василя Павловича и какъ онъ самъ уклонялся отъ намѣченнаго пути именно подъ давленіемъ запросовъ жизни, достаточно привести его собственныя слова въ цитированномъ уже Очеркѣ китайской литературы.

«Мы и сами, пишеть онъ, въ свое время предпочитали изученіе другихъ отраслей китайской литературы, болѣе специальныхъ, бѣгло ознакомившись сначала съ памятниками конфуціанства. Мы видѣли, что оно не заключаетъ въ себѣ какого нибудь ученія, соответствующаго высотѣ нынѣшнихъ понятій и взглядовъ. Но когда намъ пришлось заняться преподаваніемъ литературы въ стройномъ объемѣ, то мы уже не могли исключать конфуціанства» (стр. 4).

Кромѣ того преподавательская дѣятельность налагала, конечно, свои обязанности и первому профессору приходилось учить, затрачивая время на подготовку руководствъ, которыя долго оставались единственными, издавать тексты и пособія.

Дѣятельность В. П. Васильева, какъ автора работъ по исторіи, географіи и религіи, обрѣтшей себѣ вторую родину въ Китаѣ — буддизма, уже очерчена раньше и я ограничиваюсь только характеристикой покойнаго академика, какъ китаиста. О томъ, какими средствами онъ располагалъ и въ какихъ условіяхъ работалъ, уже было указано, надлежитъ только добавить, что въ лицѣ В. П. Васильева, какъ синолога, критически относящагося

къ китайскому тексту, а не трактующаго его, какъ говорятъ любой комментаторъ, что нерѣдко наблюдается у европейскихъ ученыхъ первой половины девятнадцатаго столѣтія, мы найдемъ и увлекательнаго бытописателя.

Изъ многочисленныхъ работъ его по китайскому языку, письменности и литературѣ главнѣйшими слѣдуетъ, конечно, признать «Анализъ китайскихъ іероглифовъ» въ 2-хъ частяхъ, «Первый русско-китайскій словарь», составленный по новой системѣ, «Матеріалы по исторіи китайской литературы» и статью, напечатанную въ 1857 г. въ журналѣ М. Н. Пр.: «*Les phonétiques chinoises d'après le système graphique*».

Неудовлетворительность системы расположенія китайскихъ идеограммъ по т. н. ключамъ (опредѣлителямъ), особенно, если считается съ исторіей письма, привела Василія Павловича къ мысли о расположеніи знаковъ по мѣрѣ нарастанія чертъ, принявъ за основаніе преобладающій элементъ.

По этой системѣ и былъ составленъ первый китайско-русскій словарь.

Система В. П. Васильева, принятая съ нѣкоторыми измѣненіями при изданіи, напримѣръ, словаря Полетти, имѣетъ большое практическое значеніе, значительно облегчая изученіе китайской письменности.

Онъ первый изъ европейскихъ ученыхъ указалъ на условность принятой китайцами системы, при чемъ систему В. П. Васильева нельзя ни въ коемъ случаѣ ставить въ связь съ системой Callery, который въ своей *Systema phoneticum* распредѣлялъ китайскіе знаки по фонетическимъ частямъ, принявъ въ основу расположеніе знаковъ по числу чертъ согласно традиціи.

«Анализъ китайскихъ іероглифовъ» содержитъ во второй части историческій анализъ знаковъ, вдущихся по новой системѣ.

Первая же часть «Анализа» была первой на европейскомъ языкѣ самостоятельной работой по фонетикѣ, морфологій и письменности Китая; тамъ же мы находимъ и первыя подробныя свѣдѣнія о китайскихъ словаряхъ различныхъ системъ.

«Матеріалы по исторіи китайской литературы», до сихъ поръ не обработанные и не напечатанные, ярко отражаютъ личность Василія Павловича. Въ нихъ мы находимъ неисчерпаемый матеріалъ по исторіи китайской литературы, библіографію, критику не только конфуціанской литературы, но и другихъ отраслей ея, исторію буддизма, даосизма и конфуціанства.

Ничего подобнаго ни въ одномъ трудѣ европейскомъ того времени, но и въ немногочисленныхъ позднѣйшихъ работахъ мы не найдемъ.

«Матеріалы», «Анализъ» и популярный «Очеркъ исторіи литературы» не превзойдены европейскими работами того же рода и являются настольными книгами каждаго спеціалиста.

Переводы Василя Павловича, иногда нѣсколько туманные, что слѣдуетъ объяснить, вѣроятно, излишнимъ критцизмомъ, обычно жизненны и выразительны.

Въ вопросѣ о древности китайской культуры Василю Павловичу держался крайняго взгляда, отрицая ея глубокою древность и былъ основателемъ отрицательной школы. Если принять во вниманіе не тонъ его словъ, а ихъ содержаніе, то слѣдуетъ признать, что онъ былъ правъ, въ одномъ отношеніи, а именно, когда говорилъ, что нѣтъ никакихъ пока реальныхъ данныхъ для положительнаго разрѣшенія этой проблемы.

Грамматики, хрестоматіи и пособія, имъ составленныя долгое время были единственными не только на русскомъ языкѣ, хотя за отсутствіемъ шрифта пособія выходили литографированными.

Особенно цѣненъ переводъ части Ши-цзина — собранія древнихъ китайскихъ пѣсенъ.

При изданіи перевода первой части этого сборника Василю Павловичу отрѣшился отъ китайской традиціи толкователей, выдающихъ въ каждой пѣснѣ намекъ на историческій фактъ или ссылающихся на нихъ, какъ на подтвержденія правила «зло наказывается, а добродѣтель торжествуетъ».

Указанія Василя Павловича на необходимость использовать текстъ Ши-цзина, какъ источникъ древняго китайскаго языка не нашли отклика и донинѣ.

Не было такого вопроса синологіи, по которому покойный академикъ не высказался, причемъ немногіе его взгляды оказываются нынѣ устарѣвшими или вмѣющимися только историческую цѣнность.

Особенно рѣзко скептицизмъ и всеотрицаніе Василя Павловича сказались въ его работѣ «Религіи Востока», посвященной разбору буддизма, даосизма и конфуціанства.

Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ этой работы. Мы только укажемъ на то, что каждый спеціалистъ признаетъ, что взгляды Василя Павловича на конфуціанство и даосизмъ и высказанныя имъ положенія являются самостоятельными и оригинальными, будятъ мысль и помогаютъ разобраться въ хаосѣ религиозныхъ явленій, сообщая попутно много научныхъ истинъ.

«Въ лицѣ В. П. Васильева мы встрѣчаемся съ рѣдкимъ въ Россіи сочетаніемъ синолога академическаго склада и живымъ наблюдателемъ-публицистомъ, чутко отзывавшимся на всѣ общественныя тревоги, имѣющія отношеніе то или иное къ его спеціальности»¹. Какъ патриотъ, какъ живой

¹ Открытіе Китая и др. ст. академика В. П. Васильева. Изд. журнала «Вѣстникъ всемірной исторіи». С.-Петербургъ, 1900 г. Предисловіе стр. VIII.

человѣкъ онъ не могъ не чувствовать скудости практическихъ знаній о Китаѣ и не могъ обойти молчаніемъ многія явленія, указывавшія на непониманіе того чрезвычайнаго значенія, которое имѣетъ дальній востокъ въ жизни Россіи.

Иныя его статьи этого рода съ развитіемъ сношеній и проникновеніемъ европейцевъ въ самыя отдаленныя части Китая, утратили свой былой интересъ или даютъ несоответствующее современному положенію вещей освѣщеніе. Однако, нѣкоторыя изъ нихъ и теперь еще сохранили свое значеніе, какъ, напримѣръ, сборникъ «Открытіе Китая»¹.

Трудно найти въ русской литературѣ по дальнему востоку болѣе правильный, правда иногда нечуждый парадоксальности, взглядъ на Китай, на отношеніе Европы къ Китаю, на положеніе Россіи на дальнемъ востокѣ, чѣмъ мы находимъ въ указанномъ сборникѣ.

Его статья «Русско-китайскія отношенія», къ сожалѣнію, и теперь еще, какъ и въ недавнемъ прошломъ урокомъ для Россіи не служитъ.

Съ именемъ В. П. Васильева связана вся судьба русской синологіи: онъ открылъ новую страницу ея, такъ какъ единственнымъ разсудникомъ знаній по Китаю, когда изсякалъ родникъ Пекинской духовной миссіи, вплоть до самаго послѣдняго времени служилъ Факультетъ Восточныхъ языковъ Петроградскаго Университета, на которомъ покойный академикъ занималъ кафедру китайской словесности съ 1855 г. до смерти своей, въ апрѣлѣ (27-го) 1900 г. Тѣмъ болѣе грустно, что при такихъ печальныхъ обстоятельствахъ приходится праздновать столѣтіе со дня его рожденія.

Остается лишь надежда на то, что эта страница исторіи смѣнится другой менѣе печальной и оправдается вѣра В. П. Васильева въ будущее Россіи.

---

¹ Примѣромъ одного изъ такихъ несоотвѣтствій можетъ служить замѣчаніе Василія Павловича: «Китай не имѣетъ долговъ». (стр. 14). Выбывая же задолженность Китая ко времени изданія сборника (1900 г.) достигла 60.000.000 ф. ст. и, какъ извѣстно, быстро увеличивалась.